

Владимир Абдуллин

**Служу Отечеству и
сердцу 3**

Владимир Абахов

Служу Отечеству и сердцу 3

«Автор»

2026

Абахов В.

Служу Отечеству и сердцу 3 / В. Абахов — «Автор», 2026

Курсант военного училища Андрей Макаров привык действовать по уставу: дисциплина, честь и служение Родине превыше всего. Но когда прошлое возвращается в лице манипуляторши Арины, а настоящее дарит встречу с актрисой Лизой, жизнь выходит за рамки любых инструкций. Вместе с друзьями — верным Глебом, боевой Викой и жизнерадостным Димой — Андрею предстоит пройти через предательство, ложь и смертельную опасность. От январских морозов до июньских свадебных фейерверков — эта история о том, что настоящая любовь не знает уставов. Что за своё счастье нужно бороться, даже если приходится спасать от сосулек, штурмовать Москву-Сити с помощью генералов и делать предложение в уходящем поезде. И что трое друзей, решивших жениться в один день, могут организовать свадьбу даже тогда, когда весь мир идёт наперекосяк. Роман о выборе между долгом и чувствами, о воинском братстве и о том, что настоящий защитник всегда дойдёт до конца. Даже если конец этот — только начало.

© Абахов В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Абахов

Служу Отечеству и сердцу 3

Глава 1: «Крещенский лёд и старые раны»

Январь в Москве выдался холодным. Училище имени М.В. Фрунзе встречало курсантов после новогодних каникул с привычной суровой неприступностью.

Андрей Макаров вошёл в расположение роты одним из первых и направился в 217-ю аудиторию — их с друзьями «точку сбора». Там его уже ждали. Глеб Калинин сидел на подоконнике с конспектом, Вика Лебедева, собранная и острая как лезвие, вошла следом, а Дима Миронов ворвался с грохотом — в штормовом костюме, с огромным рюкзаком и рассказами о рыбалке в Карелии, где он поймал щуку по имени «Конституция». Друзья обменивались историями о каникулах: Глеб с Викторией ходили на балет «Щелкунчик» и катались на катке ВДНХ, где Глеб тактическим манёвром заехал коньком на чужую шапку.

Прошла неделя. Учёба затянула курсантов в плотный график лекций, стрельб и нарядов. Глеб и Вика теперь проводили каждую свободную минуту вместе — их отношения перестали быть тайной. Они вместе ходили на огневую подготовку, Глеб носил её планшет, а рука его лежала на её пояснице. Дима подшучивал: «Голуби из парка Горького», но Андрей лишь улыбался: «Пусть лучше воркуют, чем ссорятся».

В четверг вечером, после ужина, курсантам дали час личного времени. Андрей сидел на кровати в казарме, разбирая автомат после стрельб. Телефон на тумбочке вибрировал. Сообщение от Арины: «Мы с Борей расстались. Нужно поговорить. Ты мне нужен. Я была неправа».

Андрей перечитал два раза. Год назад он отдал бы всё, чтобы услышать это. Но сейчас вспомнил ту ночь на карантине, её ледяное «никогда» и ливень, под которым он вышел из кафе и почувствовал свободу. Он нажал «удалить», затем открыл контакт и заблокировал его. Положил телефон на тумбочку экраном вниз. «Забудь», — сказал он себе.

Через полчаса Глеб поймал его в коридоре. Он заметил, что Андрей сам не свой — тот ответил Диме на просьбу дать зарядку «так точно, товарищ генерал». Андрей признался: пришло сообщение от Арины, она хочет поговорить.

— Я удалил и заблокировал, — сказал он. — Я не могу позволить себе снова начать этот круг. Она приходит, когда ей плохо, уходит, когда ей хорошо. А я больше не хочу быть запасным аэродромом».

Глеб понимающе кивнул и хлопнул друга по плечу.

В субботу утром Глеб и Вика получили увольнительные и отправились в Новую Третьяковку на выставку авангарда. Андрей не подал рапорт — после сообщения Арины ему не хотелось покидать училище, вдруг случайная встреча. Он остался в казарме читать конспекты по тактике, но через час его вызвал генерал Орлов — требовалось сопровождение на благотворительный вечер.

Пока Глеб с Викторией гуляли по Крымскому мосту, держась за руки, говорили об Андрее и Арине («Молодец, настоящий мужчина», — сказала Вика), а потом бродили по залам галереи и пили кофе, Андрей выполнял обязанности адъютанта генерала. Он держался в трёх шагах позади Орлова, сканировал зал, отвечал на вопросы гостей.

В это время Арина приехала в училище. Она долго стояла у КПП, не решаясь подойти. Сообщение осталось без ответа — значит, заблокировал. Она решила попробовать лично. Дежурный сказал, что Андрей в увольнении с генералом, вернётся поздно, и разрешил оставить записку. Арина написала: «Андрей, я была у училища. Мне очень нужно с тобой поговорить. Ты важен для меня». Сложила пополам и ушла в темноту, долго смотрела на светящиеся окна казармы.

Банкет закончился около одиннадцати. Орлов подвёз Андрея до училища, на прощание сказал: «Из тебя выйдет толк, если не сломаешься». «Не сломаюсь», — ответил Андрей. У КПП он не спросил у дежурного, не приходил ли кто. Не хотел знать. Он захлопнул дверь. И никакие записки не заставят его открыть её снова.

Глеб и Вика вернулись почти к отбою, уставшие и счастливые.

— Спасибо, что пошёл со мной. За кофе. За всё, — сказала Вика.

— Всегда пожалуйста, — ответил Глеб. — За окном всё так же валил снег.

Глава 2: «Четырнадцатое февраля»

Учёба шла своим чередом, как хорошо отлаженный механизм. Лекции сменялись практическими занятиями, стрельбы — строевой подготовкой, физподготовка — нарядами. Февральские будни тянулись размеренно и предсказуемо, и курсанты уже успели забыть о январских метелях, крещенских морозах и о том, что за стенами училища существует какая-то другая жизнь.

Но календарь неумолимо отсчитывал дни, приближаясь к дате, которую Андрей Макаров ненавидел больше, чем внезапную проверку посреди ночи.

Четырнадцатое февраля. День всех влюблённых. День, когда даже самые серьёзные люди вдруг начинали вести себя странно: дарить друг другу открытки в форме сердечек и покупать цветы по тройной цене.

— Ты чего такой хмурый? — спросил Андрея накануне вечером Дима, когда они сидели в пустом учебном классе и ждали вечерней поверки. — Опять генерал тебя дёргал?

— Нет, — буркнул Андрей, листая конспект, хотя уже давно не читал ни строчки. — Четырнадцатое на носу.

— А, ну да. — Дима понимающе кивнул, хотя на самом деле ничего не понял. — Ты про День всех влюблённых? А что тебе не нравится? Вроде нормальный праздник. В магазинах скидки на носки, между прочим.

Андрей поднял на него тяжёлый взгляд.

— Скидки на носки, — повторил Андрей медленно, как будто пробуя слова на вкус. — Дима. Ты серьёзно?

— Ну а что? — Дима развёл руками. — Я практичный человек. Если кто-то дарит мне носки четырнадцатого февраля, значит, любит, во-первых, а во-вторых, заботится о моём комфорте.

— Ты безнадёжен.

— Я счастлив, — поправил его Дима с хитрой улыбкой. — Это разные вещи, Макаров. Ты бы попробовал иногда не думать о высоком, а радоваться мелочам.

Андрей захлопнул конспект и откинулся на спинку стула. В классе было тихо — только батареи шипели за окном, да редкие шаги в коридоре нарушали безмолвие. Вечер пятницы всегда был тихим: половина взвода в увольнении, половина досматривает сны на кроватях.

— Хочешь, объясню, почему я не люблю этот праздник? — спросил Андрей, глядя куда-то в стену за головой Димы.

— Валяй. — Дима приготовился слушать. — Только без этих твоих армейских аналогий про «праздник — как неприцельный огонь».

— А вот как раз с них и начну.

Андрей помолчал, собираясь с мыслями.

— Смотри. Каждый год, каждое чёртово четырнадцатое февраля, со мной происходит что-то нехорошее. Не просто так, а именно в этот день. Как по расписанию. Словно кто-то на том свете сидит и смотрит на календарь: «Ага, сегодня День влюблённых. Пора подложить Макарову свинью».

Дима хмыкнул:

— Это у тебя паранойя.

— В десятом классе я купил валентинку с огромным плюшевым медведем. Потратил все карманные деньги за месяц. Принёс в школу. А она засмеялась и сказала: «Ты серьёзно, Макаров? Это же для детей». Валентинку выбросила в мусорку. У меня на глазах.

Дима перестал улыбаться.

— Жестко.

— На первом курсе училища, — продолжал Андрей, и голос его стал ещё жёстче, — у меня уже были кое-какие отношения. Девушка, с которой мы общались несколько месяцев. Я взял увольнение, купил цветы, заказал столик в ресторане. А она не пришла. Вообще. Положила трубку, когда я позвонил, и написала через два часа: «Извини, я с другим».

— Что за чушь?

— Ты хотел правду. Рассказываю

— Вот именно. — насторожился Дима — Я хотел правду, а не твои байки.

— Ладно. Просто мне кажется этот день бессмысленным, потому что люди дарят друг другу куски бумаги и покупают цветы в три раза дороже.

— Ну, некоторые и в другие дни дарят цветы. — возразил Дима. — Четырнадцатое — просто повод.

— Повод для чего? Для того чтобы магазины продавали плюшевых зайцев по двойной цене? Чтобы рестораны делали наценку на меню? Чтобы люди чувствовали себя ушербными, если у них нет пары?

Андрей остановился у окна. За стеклом темнело февральское небо — низкое, свинцовое, без намёка на звёзды.

— Знаешь, что самое смешное? — спросил он, не оборачиваясь. — В этот день все становятся несчастными. Те, у кого есть пара — нервничают: а вдруг подарок не так поняли? А вдруг недостаточно дорого? А те, у кого нет — чувствуют себя изгоями. Выходит, праздник, который придуман для любви, на самом деле делает людей одинокими и тревожными.

Дима молчал. Он смотрел на Андрея — на его прямую спину, на сжатые кулаки, на то, как он вцепился пальцами в подоконник.

— Ладно, — сказал Дима примирительно. — Не любишь — не празднуй. Но я, знаешь, может быть, в этом году попробую.

Андрей обернулся:

— В каком смысле?

Дима замялся. Потом улыбнулся — широко, но в улыбке этой было что-то новое, непривычное. Теплота.

— Понимаешь, есть одна девушка. Маша.

— Маша? — Андрей поднял бровь. — Я не знал.

— Никто не знал. Я скрывал. — Дима понизил голос до шёпота, хотя в классе, кроме них, никого не было. — Мы познакомились ещё в декабре, на катке. Она каталась, я упал перед ней на лёд. Просто поскользнулся. Но она подумала, что я специально упал на колено — как рыцарь, в общем.

— И ты не стал её разубеждать?

— А зачем? — Дима пожал плечами. — Она мне улыбнулась. И помогла встать. Потом мы пошли пить кофе, потом гуляли по набережной... В общем, всё серьёзно.

— И что, четырнадцатого вы идёте на свидание?

— Да, — выдохнул Дима, и слово это прозвучало как признание. — Я хочу сделать ей сюрприз. Купил билеты в кино, потом ресторан. Она не знает. Это будет первый раз, когда я... ну... официально. По-настоящему.

Андрей смотрел на друга. На его раскрасневшееся лицо, на блеск в глазах, на то, как он тербит ремешок часов — нервно, как старшеклассник перед первым свиданием.

— Счастливый ты человек, Дима, — тихо сказал Андрей. И в голосе его не было ни капли зависти. Только усталость. И, может быть, что-то похожее на надежду.

— А ты? — спросил Дима. — Что будешь делать в четырнадцатое?

— У меня есть план, — ответил Андрей. — Дом русского зарубежья на Таганке. Там выставка «Эмигранты первой волны». Фотографии, письма, личные вещи. Думаю сходить.

— В День всех влюблённых ты идёшь на выставку про эмигрантов? — Дима посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Там тихо. Мало людей. И никто не будет спрашивать, почему я один.

Дима хотел сказать что-то ещё — может быть, ободрить, может быть, пригласить с ними, чтобы не сидеть одному. Но посмотрел в лицо Андрею и передумал. Потому что понял: Макарову не нужна жалость. Ему нужно, чтобы его оставили в покое с его выбором.

— Ладно... — сказал Дима, вставая и хлопая Андрея по плечу. — Каждому своё. Ты — в русское зарубежье, я — в любовные дали. Но смотри: если передумаешь — у меня есть ещё один билет. На всякий пожарный.

— Я не передумаю, — твёрдо ответил Андрей.

Он выключил экран, положил телефон на тумбочку и закрыл глаза.

Суббота, четырнадцатое февраля, наступила с неожиданно ярким солнцем и лёгким морозцем. Снег искрился на плацу, и даже обшарпанные стены казармы казались праздничными — может быть, из-за того, что кто-то повесил на дверях красное сердечко из бумаги (дело рук первокурсников, которые ещё не научились скрывать эмоции).

Глеб проснулся за час до подъёма. Не потому, что не мог уснуть — он спал как убитый, — а потому, что ему нужно было всё успеть.

План, который он разрабатывал целую неделю, должен был сработать безупречно. Никаких розовых медведей, никаких банальных валентинок, никаких «давай встретимся в шесть у кафе». Всё должно быть продумано до мелочей, как боевая операция.

— Ты чего вскочил? — спросил его сосед по кровати, протирая глаза. — Свидание?

— Служба, — коротко ответил Глеб, хотя сосед уже отвернулся к стене и больше ничего не спрашивал.

Он умылся, побрился, надел парадную форму. Из-под воротника кителя виднелся краешек синего платка — подарок Вики на Новый год. Она, конечно, делала вид, что это был случайный выбор: «Просто в магазине была распродажа, взяла, что под руку подвернулось». Но Глеб знал: она выбирала его три часа. Ему рассказал консультант, которого Вика замучила вопросами о качестве ткани и цвете.

К девяти утра он стоял у выхода.

— Ты что, стоишь как часовой? — раздался голос.

Глеб повернул голову. Вика смотрела на него.

— Жду, пока выйдешь, — ответил он.

— А где подарок? — притворно возмутилась она. — Я думала, четырнадцатое февраля — это про цветы и конфеты.

— Подарок ждёт тебя в другом месте.

Вика прищурилась:

— Тайны? Я люблю тайны. — сказала она, беря его под руку. — Веди, сержант.

Они вышли за ворота училища и поехали на метро до «Парк культуры». Вика всю дорогу пыталась выведать, куда они направляются, но Глеб был непреклонен.

— Сюрприз, сказал, значит, сюрприз.

— Ты невыносим.

— Слышал уже.

Они вышли из метро. Снег скрипел под ногами, воздух был свежим и чистым, как в хирургической палате. Вика время от времени поглядывала на Глеба — он шёл сосредоточенный, как перед прыжком с парашютом.

— Ты волнуешься? — спросила она.

— Нет, — соврал он.

— Врёшь.

— Да. Волнуюсь.

Они остановились у старого особняка с коваными воротами. Вика подняла глаза на вывеску.

— Дом-музей Тургенева? — удивилась она.

— Ты говорила, что любишь его «Записки охотника», — сказал Глеб, открывая перед ней дверь. — И что никогда здесь не была.

Внутри было тепло, тихо и пахло старым деревом и книгами. Их встретила пожилая смотрительница, которая, увидев курсантскую форму, улыбнулась и помахала им рукой.

— Второй зал уже готов, — шепнула она Глебу.

Вика обернулась:

— Что готов?

— Пойдём, увидишь.

Они прошли в комнату, где, как объяснила экскурсовод, Иван Сергеевич работал над «Отцами и детьми». На столе лежала раскрытая рукопись — копия, конечно, — и старинная чернильница. Но не это привлекло внимание Вики.

На стуле, у окна, стоял маленький букет ландышей в глиняном горшочке.

— Ландыши в феврале? — Вика подошла ближе, дотронулась пальцем до зелёных листьев. — Это... откуда?

— Вырастил в теплице у одного знакомого, — спокойно ответил Глеб, хотя на самом деле объездил пол-Москвы, пока нашёл человека, который согласился продать цветущие ландыши в середине зимы. — Ты говорила, что это твои любимые.

Вика молчала. Смотрела на цветы, потом на Глеба, потом снова на цветы.

— Это слишком, — сказала она наконец. — Это нечестно.

— Почему?

— Потому что я ничего подобного не готовила для тебя.

— Тебе не нужно ничего готовить, — Глеб подошёл ближе. — Ты здесь. Со мной. В музее Тургенева, который ты хотела посетить три года. Это лучший подарок.

Вика отвернулась к окну, и Глеб заметил, как дрогнули её плечи.

— Не плачь, — попросил он. — Слёзы на морозе — дурная примета.

— Я не плачу, — сказала она глухо. — Просто... никто никогда.

Она не договорила. Глеб обнял её со спины, положил подбородок на макушку её шапки. И они стояли так — в доме русского классика, среди старых книг и писем, у февральского окна, за которым валил снег.

Потому что иногда молчание — самый искренний разговор.

Дима ушёл в увольнение сразу после завтрака.

Он надел новую рубашку и начистил ботинки так, что в них можно было смотреться. Маша ждала его у метро «Октябрьская».

— Ты красивый, — сказала она, увидев его.

— Знаю, — ответил Дима, и Маша рассмеялась — тем самым смехом, от которого у него внутри всё переворачивалось.

Они пошли в кино на фильм, который никто из них не запомнил, потому что всё время держались за руки и шептали друг другу что-то неважное. Потом был ресторан с итальянской кухней, где Дима заказал пиццу с оливками и морепродуктами, а Маша — тирамису на десерт.

— У тебя есть планы на вечер? — спросила она, когда они вышли на улицу.

— Все планы — с тобой, — ответил Дима. И это было так искренне, что Маша покраснела.

Андрей вышел из Дома русского зарубежья около пяти вечера. На улице уже смеркалось, февральское солнце спряталось за крышами сталинских высоток, оставляя небо в лилово-серых сумерках. Снег, выпавший утром, успел подтаять, а потом снова замёрзнуть, и тротуары превратились в сплошной каток.

Он шёл не спеша, заложив руки в карманы шинели. В голове всё ещё крутились образы из эмигрантского прошлого — письма, фотографии, та старая шляпа Гиппиус. Хороший день. Тихий. Без дурацких сердечек, без розовых медведей, без всей этой показушной суеты.

Мороз щипал щёки, но Андрей почти не замечал холода. Он думал о том белогвардейском офицере из Константинополя, о его сорока годах во Франции, о портрете царя под подушкой. О том, как, наверное, тяжело любить то, что потерял навсегда.

Улица была почти пуста. Редкие прохожие торопились по своим делам — кто с цветами, кто с подарочными пакетами, кто просто домой после работы. Андрей шёл по нижней Радищевской улице.

Шагов за десять до него, по той же стороне тротуара, шла девушка. Тёмное пальто, вязаная шапка бирюзового цвета, длинный шарф, волочащийся почти по земле. В ушах — наушники, белые провода тянутся к карману. Она двигалась легко, почти танцуя, явно под какую-то музыку, и не смотрела по сторонам.

Андрей чуть замедлил шаг, пропуская её вперёд. Не хотелось обгонять — ещё подумает, что пристаёт. И тут что-то заставило его поднять голову.

Карниз дома, под которым они проходили, был покрыт наледью. Огромная сосулька, размером с артиллерийский снаряд, отливала ледяным блеском в свете уличного фонаря. И она дрожала.

Андрей не думал. Не оценивал расстояние, не рассчитывал траекторию, не взвешивал последствия. Потому что времени на это не было — ни секунды.

— Стой! — крикнул он, но девушка в наушниках не слышала.

Он рванул вперёд, сокращая расстояние, схватил её поперёк талии и, не церемонясь, швырнул в сторону. В огромный сугроб, оставшийся после утренней уборки. Девушка упала с глухим «ой», взметнув облако снежной пыли.

Через секунду сосулька обрушилась вниз.

Удар был страшный. Лёд весом в несколько килограммов грохнулся на то место, где только что стояла девушка, и разлетелся на сотню осколков. Один из них чиркнул Андрея по скуле — он почувствовал резкую боль и тепло побежавшей крови.

Наступила тишина.

Андрей стоял, тяжело дыша, и смотрел на раскрошенный лёд. Ещё секунда — и он не успел бы. Ещё мгновение — и девушка лежала бы не в сугробе, а в луже крови под тоннами замёрзшей воды.

— Ты... — раздался придушенный голос из сугроба. — Ты что творишь?!

Девушка выбралась из снега вся мокрая, перепачканная, с шапкой, съехавшей набок. Наушники выпали и валялись рядом, продолжая транслировать какую-то мелодию. Она смотрела на Андрея огромными глазами, в которых плескалась смесь испуга и злости.

А потом увидела сосульку и замолчала.

— Это... — прошептала она, вглядываясь в ледяное месиво на асфальте. — Это была огромная сосулька. Она...

— Упала бы тебе на голову, — закончил за неё Андрей. — Если бы я не среагировал.

Девушка медленно перевела взгляд на него. На его шинель. На погоны. На кровь, сочащуюся из рассечённой скулы.

— Боже, Вы ранены! — Она вскочила на ноги, забыв про мокрую одежду, и потянулась к его лицу. — У Вас кровь! Сильно? Надо что-то приложить... У меня есть платок, сейчас...

— Всё нормально, — перехватил Андрей её руку, не давая прикоснуться к лицу. — Царапина. Не страшно.

— Не страшно?! — Девушка посмотрела на него так, будто он сказал какую-то несусветную глупость. — У Вас лицо в крови, а Вы говорите — не страшно?! Вы же только что меня спасли! От смерти! Если бы Вы меня не оттолкнули — я была бы...

Она не договорила. Губы её задрожали, но она сдержалась.

— Как Вас зовут? — спросила она, вытирая со щеки снег и почему-то слёзы, которых она, кажется, сама не замечала.

— Курсант Макаров, — ответил Андрей по уставу, потом спохватился и добавил уже мягче: — Андрей.

— Лиза, — сказала девушка. — Елизавета Стрельникова. Я...

— Артистка? — перебил Андрей, глядя на её руки — тонкие, выразительные, с идеальным маникюром, но без колец.

Лиза удивилась:

— Да. А Вы откуда узнали?

— Походка. И руки.

Она посмотрела на свои ладони, потом снова на Андрея. И вдруг улыбнулась. Улыбка была удивительной — открытой, тёплой, от которой у Андрея внутри будто что-то перевернулось.

— Андрей, — повторила Лиза, пробуя имя на вкус. — Курсант Андрей. Спаситель Андрей.

— Не спаситель, — смутился он, чувствуя, как начинает гореть правое ухо. — Просто оказался рядом.

— Это неправда. — Лиза покачала головой. — Если бы Вы просто «оказались рядом», Вы бы тоже шли в наушниках и смотрели в телефон. А Вы смотрели вверх. И увидели сосульку. И успели. Это не случайность, это... — она замялась, подбирая слово, — это характер.

Андрей не знал, что ответить. Обычно он легко выдавал любые комплименты, но сейчас язык будто прилип.

— Вы идёте в сторону метро? — спросила Лиза, поправляя шапку. — Давайте я провожу Вас. Или Вы меня проводите. В общем, пойдёмте вместе.

— Но Вы же вся мокрая, — заметил Андрей. — Замёрзнете.

— Я замёрзну? — Лиза рассмеялась, и смех её в февральском воздухе прозвучал чистым колокольчиком. — Это Вы стоите без шапки, с рассечённой щекой, и говорите, что я замёрзну? Идёмте, курсант Андрей. Я угощаю Вас кофе. За спасение жизни. Это меньшее, что я могу.

Они пошли к метро. Лиза говорила без умолку — как будто пыталась заполнить тишину словами, чтобы не думать о том, что могло случиться. Она оказалась актрисой Театра на Таганке, молодой, но уже занятой — играла в трёх спектаклях, снималась в сериале, мечтала о большом кино.

— Театр на Таганке — это же здесь рядом, — сказал Андрей.

— Да, я после репетиции шла домой, — кивнула Лиза. — Думала, выйду, перекушу, а тут такая... приключение.

— Приключение... — усмехнулся Андрей.

— Но главное, что всё хорошо закончилось. — ответила Лиза серьёзно. — Потому что Вы были рядом. А значит, это не трагедия. Это приключение.

— Закончилось? — удивился Андрей — Всё только начинается!

В кафе — маленьком, тёплом, с низкими потолками и запахом корицы — они сели у окна. Андрей снял шинель, и Лиза увидела его китель, орденские планки, знаки отличия.

— Вы, наверное, герой, — сказала она негромко.

— Нет, — покачал головой Андрей. — Обычный курсант.

— Обычные курсанты в четырнадцатое февраля сидят по кафе с девушками, — улыбнулась Лиза. — А Вы ходите по музеям. Я права?

— Вы за мной следили? — спросил Андрей, но без обиды.

— Идущий впереди — всегда видит следующего, — улыбнулась Лиза. — Народная мудрость. Я краем глаза заметила, что Вы вышли из Дома русского зарубежья. Сама туда давно хочу попасть. Что там сейчас?

Они проговорили больше часа. О выставке, об эмигрантах, о театре, о кино, о том, как Андрей почти три года в училище, о том, как Лиза играла в «Вишнёвом саду» и у неё никак не получалась сцена с прощанием.

— Вы любите Чехова? — спросила она.

— Не читал, — соврал Андрей. — Времени не было.

— Не читал Чехова? — Лиза округлила глаза. — Как можно не читать Чехова?

— А как можно играть в театре и ходить в наушниках по улице, не смотря по сторонам? — пошутил Андрей.

Они переглянулись и засмеялись. Оба одновременно, от души, как будто знали друг друга много лет.

Когда принесли счёт, Андрей потянулся за деньгами, но Лиза решительно отодвинула его руку.

— Я угощаю. Я же сказала — за спасение жизни.

— Это было не спасение жизни, это была случайность, — начал Андрей.

— Если Вы ещё раз скажете «случайность», я обижусь, — пригрозила Лиза. — Серьёзно обижусь. И не дам Вам свой номер телефона.

Андрей замолчал. Сердце — это странное устройство, которое, казалось, дремало последние месяцы, — вдруг дало о себе знать. Глухо. Но отчётливо. Как бой курантов в новогоднюю ночь: не ждёшь, а оно бьёт.

— А Вы дадите? — спросил он таким спокойным голосом, будто спрашивал о погоде.

— Что?

— Номер телефона.

Лиза смотрела на него несколько секунд. Потом достала из кармана пальто айфон в синем чехле.

— Диктуйте.

Они обменялись номерами. Андрей записал её как «Лиза Театр». Она его — как «Спаситель Андрей».

На улице уже совсем стемнело.

— Я провожу Вас до метро, — предложил Андрей.

— А Вы галантный, курсант Макаров, — усмехнулась Лиза, запахивая пальто. — Идёмте.

— Спасибо за кофе, — сказал Андрей.

— Спасибо за жизнь, — серьёзно ответила Лиза.

Они помолчали.

— Напишите мне, — попросила она. — Если, конечно, захотите. Если нет — тоже напишите. Чтобы я знала, что Вы живы и скулу не разодрали до кости.

— Обязательно, — шепнул Андрей.

— Обещаете? — улыбнулась Лиза.

— Даю слово будущего офицера! — воскликнул Андрей.

Она ушла, обернувшись на ходу и помахав рукой. Андрей стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась в переходе.

Он пришёл в казарму, когда на плацу уже гасили фонари. Скулу обработал перекисью водорода — защипало знатно — и заклеил пластырем. Дима ещё не вернулся с Машей. Глеб и Вика, наверное, гуляли где-то в центре.

Андрей лёг на кровать, подложив руки под голову, и посмотрел в потолок.

В телефоне вибрировало сообщение.

«Спаситель Андрей, у меня шок. Дошла до дома, только сейчас поняла, что я могла умереть. Спасибо Вам ещё раз. Вы самый внимательный человек, которого я встречала. Лиза»

Он написал ответ. Короткий. По-военному:

«Пустяки, Елизавета. Приятного вечера. Макаров»

И тут же пришло второе:

«Елизавета — это слишком официально. Просто Лиза. И пустяки — это про царапину.

А спасение жизни — это не пустяки. Договорились?»

Андрей улыбнулся во тьме казармы:

«Договорились. Спокойной ночи, Лиза».

«Спокойной ночи, курсант. И берегите себя. Других сосулек на мою голову больше не упадёт, а Вы кому нужны?»

Он не ответил. Не потому, что нечего было сказать. А потому, что ответа не знал.

Но чувствовал: сегодня случилось что-то важное. Что-то, что перевернуло в нём тот самый переключатель, который, как он думал, сломался навсегда.

За окном валил снег.

Четырнадцатое февраля подходило к концу.

И этот день, который он так ненавидел, вдруг перестал быть бессмысленным.

Глава 3: «Охота на курсанта»

Прошла неделя. Учебные будни снова затянули курсантов в свою размеренную, отточенную до секунды круговерть. Лекции, стрельбы, строевая подготовка, наряды, физподготовка, вечерние проверки — дни складывались в неделю незаметно, и только редкие сообщения на экране телефона напоминали о том, что за стенами училища существует другая жизнь.

Андрей переписывался с Лизой каждый вечер. Коротко, сдержанно, без лишних эмоций — так, как привык. Но Лиза, кажется, чувствовала эту его броню и умела находить в ней щели.

«Вы сегодня опять пишете, как рапорт, курсант Макаров. Неужели так трудно добавить хотя бы один смайлик?»

«Смайлики не по уставу, Лиза».

«Ах да, я забыла. У вас там всё по уставу. Даже чувства?»

Андрей не ответил на этот вопрос. Не потому, что не хотел, а потому, что не знал правильного ответа.

Двадцать третье февраля выпало на понедельник.

Праздник в училище отмечали с утра — торжественное построение, вынос знамени, речь генерала Орлова, который в этот день был особенно суров и особенно торжественен одновременно.

— Товарищи курсанты! — гремел его голос над застывшим строем. — День защитника Отечества — это не просто календарная дата. Это не праздник всех мужчин, как сейчас принято говорить в телевизоре. Это праздник военных. Тех, кто присягал Родине. Тех, кто готов встать на её защиту. Тех, кто носит погоны. Запомните это. Не каждый мужчина — защитник. Но каждый из вас — им является. Помните об этом.

— Служим России! — рявкнул строй в ответ.

После построения объявили: всех курсантов отпускают в увольнение до двадцати двух ноль-ноль. В казарме началось оживление — кто-то гладил парадную форму, кто-то звонил

родителям, кто-то пытался отстирать пятно на кителе, оставшееся после вчерашней чистки оружия.

— Ты куда? — спросил Дима, наблюдая, как Андрей надевает свежую рубашку.

— Гулять, — коротко ответил Андрей.

— С Лизой?

— Не твоё дело.

— Значит, с Лизой, — удовлетворённо кивнул Дима. — А мы с Машей в парк Горького. Говорят, там каток ещё не растаял.

— Удачи, — сказал Андрей.

— И тебе.

Глеб и Вика ушли раньше всех — Вика настояла на том, чтобы позавтракать не в столовой, а в каком-нибудь кафе в центре. «Мы что, праздник в казарме встречать будем?» — спросила она, и Глеб, разумеется, не стал спорить.

Андрей остался один. Он закончил сборы, проверил телефон.

Новое сообщение.

«Андрей, с праздником! Вы настоящий защитник, хоть и скрываете это за уставной серьёзностью. У меня для Вас сюрприз. Вы сможете встретиться сегодня?»

Он ответил почти сразу:

«Смогу. Где?»

«Вы знаете Коломенское?»

«Знаю. Музей-заповедник на юге Москвы».

«Да! Приезжайте к метро "Коломенская" к часу дня. Только ничего не говорите — я всё подготовила. И не опаздывайте, курсант Макаров. Нарушение обещаний — это не по уставу».

Андрей усмехнулся и убрал телефон в карман. Коломенское — неожиданный выбор.

Коломенское — это место, где Москва встречается с историей. Бывшая царская резиденция, расположенная на высоком берегу Москвы-реки. Здесь стоит деревянный дворец Алексея Михайловича, которого современники называли «восьмым чудом света». Здесь Пётр Первый проводил свои юные годы, здесь искал сокровища библиотеки Ивана Грозного, здесь, по легенде, молился о победе Дмитрий Донской перед Куликовской битвой.

Церковь Вознесения Господня, построенная в 1532 году, до сих пор стоит на берегу, удивляя архитектурой — первая каменная шатровая церковь на Руси. Говорят, когда смотришь на неё с реки, кажется, что она парит в воздухе.

Андрей приехал за десять минут до часа. Метро «Коломенская» встретила его прохладой и запахом старых стен — станция была открыта ещё в 1969 году, и за эти годы её стены впитали сотни тысяч шагов, голосов, взглядов.

Он вышел из метро и направился к парку. Февральский воздух был морозным и чистым, солнце висело низко, слепя глаза, но не грело. Снег скрипел под ногами, воздух пах сосной и чем-то сладким — может быть, вафлями из уличного ларька.

Лиза ждала его на скамейке у входа. Тёплое пальто, бирюзовая шапка — та самая, в которой она была в день их первой встречи. В руках — большой бумажный пакет и термос.

— Курсант Макаров, — она встала и улыбнулась. Ярко, открыто, так, что у него внутри всё перевернулось. — Вы пришли. Я боялась, что передумаете.

— Военные не отступают, — ответил Андрей.

— А я и не сомневалась.

Она протянула ему пакет. Андрей заглянул внутрь — там лежал шарф. Серый, шерстяной, с аккуратными бахромками.

— Это вам, — сказала Лиза. — Я связала сама. Не судите строго, я только учусь. Но вы всегда ходите без шарфа, а на морозе это неправильно. Даже по уставу, наверное, не положено.

Андрей достал шарф, повертел в руках. Пряжа была мягкой, руки Лизы чувствовались в каждой петле — где-то туже, где-то свободнее, но с любовью.

— Спасибо, — сказал он. И на удивление самому себе добавил: — Лиза. Это очень... трогательно.

Она покраснела. Слегка, едва заметно, но Андрей заметил.

— Пойдёмте, — сказала она, беря его под руку. — Сюрприз ждёт.

Они пошли по аллеям парка. Коломенское в феврале было почти безлюдным — редкие мамочки с колясками, парочка лыжников, группа китайских туристов с огромными фотоаппаратами. Заснеженные деревья стояли в белом молчании, церковь Вознесения сияла белыми стенами на фоне синего неба.

— Красиво здесь, — сказал Андрей, замедляя шаг у храма. — В 1532 году построили. Представляете? Почти пятьсот лет стоит.

— Вы историю любите? — спросила Лиза.

— Я люблю знать, что было до меня, — ответил Андрей. — Это помогает понять, что будет после.

Она посмотрела на него с уважением. Не с тем дежурным «ах, какой умный», а с настоящим, когда человек вдруг видит в другом что-то важное и значимое.

— Вы необычный, Андрей, — сказала она тихо.

— Я обычный, — возразил он. — Просто военный.

— Это одно и то же?

— Военные бывают разными.

Они двинулись дальше — к берегу Москвы-реки. Андрей уже начал догадываться, куда она его ведёт — причал для прогулочных катеров, зимой обычно пустующий.

Но сегодня у причала стоял речной трамвайчик.

— Это... — начал Андрей.

— Это сюрприз, — закончила Лиза. — Я договорилась с капитаном. На четыре часа. Только мы двое.

— Как вам это удалось?

— Я актриса, — улыбнулась Лиза. — Мы умеем убеждать.

Они поднялись на борт. Капитан — пожилой мужчина с седыми усами и добрыми глазами — крикнул: «Отчаливаем!» и трамвайчик плавно отошёл от причала.

Москва-река в феврале была спокойной, почти чёрной, с белыми островками льда у берегов. Берега проплывали мимо — сначала парк Коломенского с его храмами, потом жилые районы, потом заводские трубы и мосты.

Андрей и Лиза стояли на палубе, облокотившись на поручни. Мороз щипал щёки, но ветра почти не было.

— Я хотела сделать этот день особенным, — сказала Лиза, глядя на воду. — Потому что вы особенный, Андрей. Вы спасли мне жизнь. Я до сих пор не могу забыть тот момент.

— Я просто оттолкнул вас, — ответил он, чувствуя привычное желание спрятаться за скромностью.

— Вы не «просто оттолкнули», — Лиза повернулась к нему. В её глазах было что-то, отчего Андрей забыл, как дышать. — Вы рисковали собой. Эта сосулька могла упасть и на вас.

— Не могла, — покачал головой Андрей. — Я быстро отскочил.

— А если бы нет?

Он промолчал.

— Никто в моей жизни не делал для меня ничего подобного, — продолжила Лиза. — Чтобы вот так, не думая, броситься и спасти. Вы знаете, я играю в театре сцены, где герои совершают подвиги. И всегда думала — это же просто текст, просто роль, в жизни так не бывает. А вы доказали, что бывает.

— Я не герой, — сказал Андрей глухо. — Я курсант. Нас учат защищать. Это наша работа.

— Ваша работа? — Лиза усмехнулась. — Андрей, вы не на работе были. Вы шли по улице. Вы даже не были при исполнении. Вы просто увидели, что кому-то грозит опасность, и бросились. Это не работа. Это — вы.

Они замолчали. Москва-река медленно несла их на север, мимо новостроев и старых фабрик, мимо пустынных пляжей и заснеженных набережных.

Четыре часа пролетели незаметно.

Они говорили обо всём — о театре и армии, о фильмах и книгах, о детстве и мечтах.

— Вы жалеете? — спросила Лиза.

— О чём?

— О том, что пошли в военное, а не в гражданское.

Андрей задумался.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Это моё. Я чувствую, что на своём месте. Даже когда тяжело. Даже когда кажется, что не справлюсь. Это — моё.

Лиза смотрела на него и улыбалась.

— Вы везучий человек, курсант Макаров.

— Почему?

— Потому что знаете, чего хотите. Не все это умеют.

Трамвайчик причалил недалеко от Павелецкого вокзала — маленький причал, почти незаметный с дороги. Капитан пожелал им счастливого праздника и ушёл готовить судно к стоянке.

Они вышли на берег. Москва встретила их вечерней суетой — машины, люди, огни. Двадцать третье февраля подходило к концу.

— Мне пора, — сказал Андрей, взглянув на часы. — В училище к десяти.

— Я провожу?

— Не нужно. Я сам.

Они стояли друг напротив друга на пустынной набережной. Снег пошёл — мелкий, частый, как в кино.

— Спасибо за сегодня, Лиза, — сказал Андрей. — Это был лучший... — он запнулся. — Лучший праздник.

— Ты приедешь ещё? — спросила она. Впервые перейдя на «ты». Просто, без предупреждения, как будто так было всегда.

Андрей не поправил её. Не сказал, что по уставу нужно на «вы». Потому что устав остался там, в училище. А здесь, на этой набережной, был только он и она.

— Приеду, — пообещал он.

Они попрощались коротко — без объятий, без поцелуев, просто «до свидания». Но в этом «до свидания» было обещание.

Пока Андрей катался по Москве-реке на речном трамвайчике, Глеб и Вика осваивали культурную программу в центре.

Вика, как всегда, подошла к вопросу серьёзно: она купила билеты в Музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

— Мы что, праздник в музее встречать будем? — спросил Глеб, когда они подошли к зданию.

— А что плохого? — Вика посмотрела на него с вызовом. — День защитника Отечества — это не про пьянки и гулянки. Это про память. Про тех, кто защищал. Мы с тобой военные. Мы должны помнить.

Глеб не стал спорить. Он давно понял, что спорить с Викторией бесполезно — она всегда права. Или хотя бы делает вид.

В музее они провели три часа. Рассматривали диорамы, читали письма с фронта, стояли у стенда с фотографиями героев Советского Союза.

— Смотри, — показал Глеб на одну из фотографий. — Лётчик. Двадцать три года. Герой. Посмертно.

Вика взяла его за руку. Нежно, не для посторонних глаз.

— Мы будем жить долго, — сказала она тихо. — Хорошо?

— Хорошо, — ответил Глеб.

После музея они пошли гулять по парку. Поклонная гора в феврале была белой и тихой — только редкие лыжники пересекали поляны, да дети возились в сугробах.

Они нашли скамейку у смотровой площадки, откуда открывался вид на Москву — далёкую, зимнюю, укрытую снегом.

— Спасибо за сегодня, — сказал Глеб, обнимая Вику за плечи.

— Ты так и не сказал, как тебе подарок, — напомнила она.

Подарком был маленький компас — туристический, в кожаном чехле. Вика сказала, что он всегда должен знать, где находится. И где находится она.

— Лучший подарок, — серьёзно ответил Глеб. — Потому что теперь я всегда найду дорогу домой.

— Дом — это училище? — спросила Вика.

— Нет, — Глеб покачал головой. — Дом — это там, где ты.

Вика покраснела. Даже на морозе было видно, как заалели её щёки.

— Ты невыносим, — сказала она.

— Я знаю.

Дима и Маша выбрали более традиционный сценарий — парк Горького, каток и горячий шоколад в кафе.

Каток был почти пуст — большинство москвичей отмечали праздник дома, в кругу семей. Дима и Маша носились по льду, взявшись за руки, падали, смеялись и не замечали холода.

— Ты меня бросаешь! — крикнул Дима, когда Маша, разогнавшись, проскользила вперёд, увлекая его за собой.

— Я тебя догоняю! — крикнула она в ответ.

Они катались до тех пор, пока каток не закрыли на технический перерыв. Потом сидели в кафе, пили горячий шоколад и говорили о пустяках — о том, почему у уток такие смешные лапы, и о том, что будет, если однажды снег пойдёт вверх.

Они вышли из парка, когда уже стемнело. Дима проводил Машу до метро и поцеловал на прощание — легко, в щёку, потому что стеснялся прохожих.

— С праздником, — сказал он.

— И тебя, защитник, — ответила Маша и скрылась в турникетах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.